

ПРАВОСОЗНАНИЕ ШЛЯХТЫ ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ КНИГ ЛУЦКОГО СТАРОСТЫ 1560-Х ГГ.

Владимир Полищук

Київ

Известно, что в Великом княжестве Литовском, Руском и Жемайтійском каждый регион имел те или иные характерные особенности социальной структуры привилегированных землевладельцев. Особенность Волынской земли выражалась в иерархически разветвлённой высшей прослойке княжеской аристократии, которая с начала XVI в. превратилась в региональных лидеров, занимавших первые позиции в административной иерархии Волыни. Они также были крупными землевладельцами – магнатами, землевладение которых разрасталось быстрыми темпами за счёт великокняжеских пожалований, родовых объединений (матримониальных связей) и скупки имений у обедневших землян (бояр-шляхты), превращая их в своих вассалов и слуг. Персоналии магнатов голубой крови на сегодняшний день достаточно хорошо изучены и хорошо известны по именам и родословным. На середину XVI в. это князья Острожские, Заславские, Чарторыйские, Сангушки, Збаражские, Вишневецкие, Корецкие, которые в прямом смысле образовывали стеновой хребет привилегированного общества в Волынской земле.

Как известно, в Средние века княжеская власть обожествлялась по факту рождения правителя как законного наследника династии правителей, то есть, по принадлежности к соответствующему роду. Исключительная родовая власть соотносилась с божественной властью. Эта мысль как воздух была настолько очевидной, что не требовала доказательств и осознавалась лишь в моменты острой опасности для установленного миропорядка. Кувявский епископ Анджей Зебжидовский, апеллируя к Жигимонту Августу в вопросе нераспространения протестанских течений в Польском королевстве, напоминал ему, что «Господь Бог чинит так, что королевская власть происходит из священнической, и там нигде светская власть не добьётся своего, где духовная власть будет ослабевать»¹. Жалоба Зебжидовского была

¹ Цит. по изд.: *Гваньїні О.* Хроніка Європейської Сарматії / Упор. та пер. з польської о. Юрія Мицика. Київ, 2007, с. 171. В данном случае совершенно не важно, говорил ли эти

оглашена на королевском суде в деле об изгнании монахов из монастыря одним польским шляхтичем, который «обучился» новой вере у какого-то итальянца. Епископа на суде поддержал краковский каштелян Ян Тарновский, который тоже указал на божественное происхождение власти короля, как источник власти: «За это, король, должен карать, ибо вера в короля, вера в Бога является фундаментом, а тот, кто разрушает веру в Господа Бога, не будет верным королем»². Подчеркнем публичный характер высказываний, совершенных в присутствии короля во время судебного процесса. Нельзя их списать на хвалебную риторику любого из участников или «автора» текста, ведь они апеллируют к самому мироустройству, как к чему-то нерушимому. Тема выносится на поверхность (и вводится в нарратив) в момент осознания глубочайшей опасности для государственного строя со стороны новых социально-религиозных веяний. Именно так и проявлялось в массовом сознании понимание божественного характера власти у монарха. Наступление Нового времени как бы отодвигало в тень это положение как краеугольный камень государственного устройства. Но даже в современной Европе отголоски этой традиции продолжают жить под спудом современных институций и конституций (каждый может вспомнить примеры ныне здравствующих королевских фамилий Европы, которые не только содержат свои дворцы, но и соблюдают поныне многие дворцовые ритуалы). А что говорить о Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) середины XVI в., то есть, самого начального периода Нового времени, когда традиции Средневековья еще были как никогда живы, а на авансцене истории разворачивалось первое «модерное» поколение. В это время страной правил законный правитель и дедич княжества, великий князь Жигимонт Август – наследный монарх Божью милостью, для которого все другие князья, паны и бояры-шляхта (земяне) являлись подданными и должны были приносить личную присягу на верность, тем самым подтверждая божественный характер власти монарха. Уже этого факта достаточно, чтобы понять религиозный характер власти, точнее, ее религиозный источник для установления социального правопорядка.

слова епископ Зебжидовский в самом деле или нет, или они были взяты Гваньини из другого источника книжного происхождения. Даже если Гваньини их «придумал» для своего повествования, важен сам факт введения этой темы в горизонт сознания читателей «Хроники». Главное то, что были сказаны именно эти слова, а не другие; была поднята именно эта тема, а не иная, причем именно в контексте судебного разбирательства, спора. В данном случае мы указываем на сам смысл высказывания, а не на способ конструирования нарратива.

² Ibidem, p. 171.

До судебно-административной реформы 1564–1566 гг., как известно, князья и паны обладали правом не судиться в поветах, а исключительно у великого князя. Уже этого достаточно, чтобы понять, что в материалах судебных книг волинских старост мы навряд ли найдем материал, относящийся к правосознанию высшей волинской аристократии, дела которой рассматривал великий князь или паны-рада. Поэтому они в основном находятся в материалах Литовской Метрики. А в замковых книгах мы найдём дела соответствующего иерархического уровня, как, например, урядники князя Константина Константиновича Острожского или кого-нибудь из князей Сангушковичей, защищающие от докучливых родственников или влиятельных соседей границы земельных владений, урожаи, пастбища, сенокосы и леса, а также подданных селян, как основную ценность сельскохозяйственного производства. Поэтому на страницах луцких замковых книг мы видим не личные действия князей, а только реакцию их домениальной (хозяйственной) администрации по защите имущества своих патронов.

Еще раз стоит подчеркнуть, что высшая прослойка волинских князей («княжата головные») занимала первые позиции в административной иерархии Волинской земли именно как князья, по праву крови. Будучи носителями иерархического правосознания, то есть, правообладателями на основе пожалований великого князя литовского, представляли **институциональный** аспект правосознания как урядники соответствующих урядов (или комиссарские судьи, назначенные великим князем). Это выразилось в персональном характере представления власти – институция соответствовала лично кому-то, кто был пожалован монархом: институция – это личное представительство монарха через кого-то персонально во вверенном ему обществе.

Институциональный аспект очень важен при изучении правосознания. С одной стороны, аспект указывает на расстановку иерархии правовладельцев, а с другой – на механизм запуска программы по инсталляции правосознания, кодифицированного Литовским Статутом. Аналогия с компьютерным программным обеспечением неслучайна. Она необходима, чтобы чётко определить роль институции при исследовании конкретных текстов тех же судебно-административных книг (луцких замковых) или иной документации великокняжеских наместников, а также и центральных органов власти. **Изучая документы луцких замковых книг 1560-х гг., необходимо выделять институциональный аспект деятельности уряда.** Этот аспект определялся фактом действия Литовского Статута 1529 г. и судебных

постановлений, принятых на великих вальных сеймах, начиная с 1551 г. и аж до реформ 1564–1566 гг.

Специфика дореформенных книг великокняжеских наместников – старост и воевод состояла в том, что книги образовывали совокупное ведение всех дел, как административных, так и судебных вместе с нотариальными, что как следствие имело общую структуру формуляра записей. Именно формуляр записей отображает институциональный аспект деятельности уряда. В нём отображена структура записи, которая прямо (на текстуальном уровне) отображает иерархичность правосознания. Запись в урядовой книге всегда фиксирует принадлежность к той или иной иерархии, что собственно и даёт право, то есть, включает правосознание (родовое, коллективное, корпоративное, иерархическое) тех или иных правовых институтов. Формуляр урядовой записи указывает обязательные моменты фиксации, поэтому в записи обязательно указывается, кто на кого подаёт жалобу, вручает урядовый лист, проводит публично-правовую процедуру, какие слуги исполняют поручение, что детально описывают – полнота фиксации «реестра шкод», «сознания вижа», кто принимает жалобу на уряде, кто придаёт стороне урядового вижа, кто выдаёт выпись из книги. Всё это существенные институциональные моменты судебно-нотариальных записей замковых книг. Другой важный аспект изучения формуляра – это терминология языка судебных книг, следовавшая за терминологией Литовского Статута и документов великокняжеской канцелярии и служившая образцом оформления текстов. Особенно это важно знать при исследовании судебных записей. В них отображены высказывания и действия сторон, в которых всегда хочется видеть индивидуальные проявления правосознания, тогда как мы имеем дело с работой канцеляристов или с правильно написанной жалобой, на самом деле «говорящей» с нами языком Статута.

Институциональный аспект деятельности уряда с очевидностью проявлялся в использовании правовых институтов в интересах судебных сторон, которые их и оплачивали, обращались за решением своих дел в тот или другой замковый уряд. Это использование, как аналог исполнительной власти, фиксировалось в записях, которые вносились в официальные (урядовые) книги. Внесение записей и их содержание – это как бы и есть тот самый **момент истины** для историка, который исследует правосознание привилегированных землевладельцев. В этом правосознании мы уже выделили иерархический компонент правовладения (персональный уряд) и институциональный компонент репрезентации верховной власти через формуляр и правовые институты. Например, институт урядовых вижей,

которые должны были быть обязательными участниками любых публично-правовых процедур в сопровождении двух свидетелей (современных понятиях) – «людей добрых, веры годных». Но к тому же сторона обязана была внести свидетельство урядового вижа в урядовые книги, получив при этом выпись из книг, которая служила юридическим доказательством в судебном споре. На лицо развитие писаного права, которое ещё каких-то лет 30 тому назад – в первой трети XVI в. при решении многих дел мирно уживалось с институтами устного права. Сторонам достаточно было выставить устных свидетелей, а письменные документы не имели такого исключительного значения. Спор мог решиться и без них. Таким образом, при исследовании конкретно-ситуационного правового действия (казуса), хронологически зафиксированного в урядовых книгах, очень важно при исследовании правосознания соотносить правовое действие тут-и-теперь (например, какую-то жалобу за наезд на имение и угон скота) с долгой длительностью правового института, включавшей его зарождение, эволюцию и вырождение, например, института урядового вижа, напоминального листа, обсылания обвинённой стороны. При этом чётко становится видно, как сторона могла использовать правовой институт, в каком допущении его исполнительной власти, где могла остановиться в своём действии и совершить другой выбор.

Самым распространённым институтом, который фиксировался в записях луцких замковых книг в сфере правонарушений – это институт жалобы, институт *урядового вижа*, как официального свидетеля – репрезентанта власти (вместе с ними, но в меньшей мере, институт *децкого, людей добрых*). Ещё следует отметить институт напоминального листа, заручного листа и позова (повестки в суд), которые фиксировались в урядовых записях в форме отчётов о вручении их ответчику.

И вот тут то, если рассмотреть некоторые положения Литовского Статута 1529 г. и статистику записей жалоб, свидетельств урядовых вижей и вручения урядовых листов (заручных, напоминальных, позовных), причём от имени разных урядовых инстанций (луцкого старостинского уряда, пановрады, великого князя литовского), то можно увидеть некоторые интересные проявления искомого правосознания.

Во-первых, это место и роль «сознаний вижовых», **зафиксированных и незафиксированных в замковых книгах**. Мы знаем, что сторона сама должна была организовывать и проводить досудебные процедуры, в частности оплачивать и нанимать урядовых вижей, вручать урядовые листы (заручные, напоминальные, позовы). В соответствии с нормативным положением Литовского Статута 1529 г. жалоба без письменного свидетель-

ства урядового вижа не имела юридической силы и судебный процесс не открывала. Неурядовый виж не годился на роль свидетеля. Им мог быть только приданный от великокняжеского уряда. Тут опять мы видим иерархизацию правовой системы. Но на страницах луцких замковых книг попадает огромное множество жалоб, которые так и не были подкреплены свидетельствами урядового вижа, а значит, по определению не могли быть предъявлены на суде³. Можно сделать вывод, что роль внесённой жалобы во многих случаях заведомо не сводилась к последующему судовому процессу. Это значит, что **корреляция «жалоба» и «суд» в сознании привилегированных землевладельцев не определялась данными правовыми институтами**. Более того, понятие суда не могло относиться исключительно к компетенции светских институций власти. Нельзя забывать, что эпоха Литовских Статутов – это ещё эпоха религиозного государства, в котором Церковь играла исключительную роль для сознания общества и формирования его мировоззрения. Поэтому «суд» должен был ассоциироваться не столько со светским судом, сколько с божественным воздаянием за грехи. Но этим положением не объяснить статистику луцких замковых книг 1560-х гг., в которых такое большое количество жалоб без свидетельства урядового вижа и без последующего судебного разбирательства.

Разновидности записей луцких замковых книг 1560–1566 гг., которые содержат свидетельства урядовых вижей

Заключительные формулы записей, включавших свидетельства вижей	XII. 1560	1561	1562	1563	1564	1565	1566	Всего за 1561–1566
<i>Жалоба и оповедане</i>	8	68	80	97	95	96	115	551
<i>Жалоба-оповедане и вижово сознане</i>	11	109	103	129	169	199	239	948
<i>Оповедане и вижово сознане</i>	—	25	18	12	29	35	22	141
<i>Вижово сознане</i>	4	45	16	35	36	30	48	210
Численность виживств	15	179+?	137+40 (?)	176	234	264	310+?	1340
Общее количество записей замковых книг за год	31	351	321+40 (?)	356	428	487	592	2575

Жалобы имели очевидную функцию фиксации убытков. Так называемые «реестры шкод», которые составлялись в имениях на месте сразу по-

³ Детальнее см. в Предисловии: Луцька замкова книга 1560–1561 рр. / Підготували В. Мойсієнко, В. Поліщук. Луцьк, 2013.

сле наезда, не что иное как готовый материал для жалобы, который часто дословно вписывался в замковые книги. То есть, в чистом виде подсчёт и оценка убытков: сколько чего выкошено, выпажано, срублено, уведено, разорено, угнано и т. д.

Если потерпевшая сторона не думала судиться через иерархию официальной власти – старост, панов-рад, великого князя, то одним из ответных действий мог быть ответный ход по принципу «зуб за зуб», «око за око», который в источниках именуется термином «грабеж», имеющий вполне законную подоплёку в смысле законной конфискации имущества, если её проводил какой-либо урядник, мытник. Но в сознании землевладельца это мотивировалось бы так: «Ты у меня выкосил сено. Я за это вытопчу у тебя сеножать или вырублю немного леса»; «ты не заплатил подать – я за это заберу у тебя лошадь». По моему мнению, такая мотивация могла стоять за частичным и неполным проведением всех досудебных процедур, и недооформления процедур в письменном виде – в виде записей и выписей урядовых книг. Но опять же следует иметь в виду значимость спорных дел, подлежащих судебному рассмотрению, то есть, оценивать «тяжесть проступка» и возможности стороны по оплате и организации судебного спора, то есть, всё то же место в иерархии, которое определяло успех правового спора.

Возможно, что внесение жалобы в замковые книги с перечислением нанесённых убытков, но без свидетельства урядового вижа (что можно также объяснить отсутствием средств на его оплату) давало пострадавшей стороне моральное право сделать ответный ход в форме «грабежа»: зачем платить за судебные издержки, когда можно всё вернуть назад своими силами и тем самым возместить убытки. Но месть ли это была или честное возмещение убытков? Вопрос остаётся открытым.

Однако есть и другой аспект правосознания, который мог иметь иную мотивацию для того, чтобы не вносить жалобы в замковые книги, не собирать всех доказательств, не нанимать урядовых вижей или не доводить дело до судебного разбирательства. Имеется в виду правовая норма Литовского Статута 1529 г., которую можно отнести к обычному праву позднего Средневековья, сложившемуся в ВКЛ на протяжении XV в. и связанного с процессами формирования шляхетского землевладения. Норма хорошо известна и была зафиксирована в Судебнике Казимира 1468 г. и областных земских привилеях, в частности, в земском привилее Волынской земли Казимира Ягайловича (около 1470–1480-х гг.). В Литовском Статуте 1529 г. она изложена таким образом: «если бы ся которому пану от пана або от панее вдовы або землянину от пана и от наместника, и от подданных его стала которая

кривда, тогда оные скривжонные мають обослати, абы он сам з себе або з наместником, або с подданными своими справедливость вчинил» (Разд. 6, арт. 5). Данная норма хорошо известна под процедурой «обсылания». И только в случае отказа «вчинить справедливость» (т. е. свершить домениальный суд или лично удовлетворить все требования жалобщика) сторона при желании могла обратиться с жалобой в судебную инстанцию выше по иерархии – к великому князю, панам-радам, старосте, воеводе, державце.

Действие этой правовой нормы сложнее всего найти в правовых коллизиях. Если обвинённая сторона соглашалась «вчинить справедливость» и удовлетворить требования жалобщика, тогда обращение в судебную инстанцию уже не имело смысла, и запись о суде не могла появиться. Хотя если бы родовые шляхетские архивы сохранились в более полном виде, то представили бы огромный материал действия этой нормы и домениального суда. Действие этой нормы предполагало признание стороной своей вины, то есть, включения совести, покаяния и самосознания Божьего суда и понимания последующего воздаяния за грехи, что в конечном итоге позволяло увидеть правоту «другого». Если же сторона не признавала свою вину, «сама с себя справедливости не вчиняла», тогда потерпевшая сторона обращалась к государственной иерархии, то есть, к светской репрезентации власти с жалобой, оплачивая все судебные издержки. В материалах лужских замковых книг 1560-х гг. действие этой нормы почти не прослеживается. Она может проявиться, как правило, в случаях отказа обвинённой стороны самостоятельно совершить правосудие, ответить за свои действия и удовлетворить требования пострадавшей стороны, что жалобщик мог отразить в своей жалобе, но таких фактов немного. В данном контексте важно отметить, что эту норму и процедуру «обсылания» (оповещения) следует рассматривать как правовую структуру долгой длительности, которая как лакмусовая бумага, проявляла и действие правовой системы, и правосознание шляхты. Анализируя записи лужских замковых книг 1560-х гг., можно сделать вывод о том, что данная норма и дальше теряла своё значение, замещаясь фиксацией жалоб, как реестров убытков, пусть даже и без свидетельств урядовых вижей. Её назначение всё больше приобретало страховочный или рамочный характер, на случай если обвинённая сторона осознает свою вину и сама удовлетворит претензии жалобщика, возместит убытки, проведёт домениальный суд, накажет виновных слуг и подданных крестьян. Данная правовая норма, по сути, призывала ответчика к самосознанию.

На лицо мы видим, что Статут предлагает сторонам право выбора в том, по какому пути идти при выяснении спорных отношений. Тем самым вы-

носились решение, привлекать ли государственную иерархию или не привлекать, втягивать себя в судебное разбирательство или нет. В правосознании не могла не присутствовать такая альтернатива: или добиваться своих прав по отдельности или решать дело сообща по взаимному согласию, то есть, по совести. Действовать такая альтернатива могла только среди равных по иерархии и социальному положению. Однако, такая практика всё более входила в противоречие с возростающей иерархизацией общества: укреплением сословных перегородок, замыканием сословий в замкнутые корпорации, установлением статусных ограничений.

Развитием этой нормы до судебных реформ 1564–1566 гг. в ВКЛ конечно же были хорошо известные приятельские суды, которые, собственно говоря, не судили, а примиряли стороны. Письменные «угоды» приятельских «судов» так же наряду с судебными актами вносились в урядовые (замковые) книги. Приятели-судьи выбирались самими сторонами из числа близких по социальному положению шляхтичей или магнатов, авторитетных урядников и представителей местной корпорации шляхты – сородичей и соседей по имениям⁴.

Если же мы обратим своё внимание на статистику записей луцких замковых книг за 1560-е годы, то увидим, что с каждым годом количество досудебных записей жалоб, свидетельств урядовых вижей и вручений урядовых листов (заручных, напоминальных, позовных), бурно возрастало. Это значит, что наличие такой разновидности документации никак не могло отображать правовой постулат о первоочередном удовлетворении истца (пострадавшей стороны) со стороны ответчика, то есть, о примирении сторон и самостоятельном возмещении убытков со стороны ответчика без обращения к судебным инстанциям. Таким образом, наличие всё более возрастающего массива досудебных записей свидетельствовало о том, что **правосознание шляхты развивалось в институциональном направлении судебной и нотариальной практики**, то есть, через обращение к инстанциям официальной власти (старостинский, маршалковский, воеводский, замковый суд). Судебные отношения строились на основе социальной иерархии и репрезентации верховной власти, оформившейся после реформ 1564–1566 гг. в уряды шляхетского самоуправления – земские и подкоморские суды, уряд возного и реформированный гродский суд. Рассматривая этот процесс ретроспективно можно подумать, что процесс закономерно

⁴ См. детальнее: *Старченко Н.* Полюбовні суди на Волині в останній третині XVI століття // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. II. Київ–Львів, 2004, с. 207–228.

развивал правовые отношения сословного общества на переходе от средневековой к сословной монархии Нового времени и шляхетской «демократии». Однако этот процесс не мог по определению быть разрывом, а был постепенным переходом в эволюции правосознания, поэтому он должен был вмещать в себе явления уходящего времени, то есть, Средневековья, с характерным ему религиозным миросозерцанием и обоснованием власти через религиозные императивы и доктрины, которые распространялись в обществе через авторитет Церкви и священнослужителей, точнее, через службу Божию, которую они совершали. В этой связи следует говорить о религиозном понимании суда, которое в сознании должно было соединяться с явлениями общественной жизни и, более конкретно, с правонарушениями. Правосознание не могло оставаться глухим и слепым к первоначальному трактованию закона как Закона Божьего и суда как воздаяния за совершенные грехи, искупление и последующего прощения в соответствии с евангельскими заповедями.

В середине XVI в. почти невозможно провести чёткую линию между светским и религиозным пониманием суда как судебным решением инстанции и как воздаянием за грехи и Божий суд в том виде, как это понимали современники⁵. Почти не сохранилось индивидуальных рефлексий на этот счёт. Но, по крайней мере, мы можем с уверенностью постулировать такое синкретическое взаимопереплетение пониманий, которые наполнялись живой верой и обуславливались, с одной стороны, христианской догматикой, а с другой – принадлежностью к социальной иерархии. Эти две важнейшие константы как раз и определяли в своих существенных чертах правосознание шляхты в ВКЛ, а не только непосредственно кодекс правовых норм Статута. Понятно, что правосознание шляхты не определялось конфессиональной принадлежностью, знанием церковной догматики (богословием) и признанием высокой роли церковной организации. Догматику могли знать и понимать, по сути, единицы из числа учёных клириков. В данном случае важен аспект веры, как живого восприятия предустановленного Богом мира, в котором действуют законы, установленные не человеком, а Творцом. Это не значит, что в правосознании должны были проявляться те или иные евангельские истины, тем более не учёная богословская премудрость. Правосознание было неотрывно от действия, слова и жеста,

⁵ О Божьем суде в смысле испытаний и рыцарских поединков см. в статье Натали Старченко (Поєдинки у шляхетському середовищі Волині (остання третина XVI ст.–початок XVII ст.) // Український історичний журнал. № 3. 2012, с. 52). В данном случае мы трактуем Божий суд как воздаяние за грехи, которое человек получает по жизни.

ибо только через них воплощалось личностное отношение к происходящему, как преломление божественного смысла события, с выражением своей веры в истинность происходящего. Именно из такого сознания могло вырастать прощение виновного или признание своей вины в совершении неблаговидных проступков и злодеяний. Таким образом, следует говорить о том, что правосознание шляхты – по умолчанию – имело религиозное содержание, определяя тем самым границы и силу действия правовых норм. Это значит, что **правосознание выросло из внутреннего морального фундамента человека**, созданного коллективной передачей религиозного опыта и сакрального смысла, а не из набора заученных правовых норм кодекса. В таком понимании правовая норма светского законодательства выступает всего лишь обоснованием социальной границы распространения веры в незыблемость установленного Богом порядка. Тут уместно будет упомянуть одну из начальных фраз Первого Литовского Статута 1529 года от имени Жигимонта Старого, которая относится к преамбуле и как таковая подсознательно «списывается» на красивый риторический приём. Король польский и великий князь литовский дарует своим подданным **права христианские**: «Мы, Жигимонт, з ласки Божьи, король польский и великий князь литовский, русский, пруский, жомойтский, мазовецкий и иных <...> з ласки наше господарское, хотячи обдаровати **правы хрестьянскими** [выделено мною – В. П.] всим прелатом, княжатом, паном хоруговным, вельможам, рыцерем повышоним, шляхте и всему посполству и их подданным а тубыльцом земля Великого князства нашего Литовского <...> вси их права и привилья: костельные, так латынского закону, яко и греческого, тэж и светские, которые от памяти королей и великих князей <...>» Как видим, словосочетание «права христианские» синонимично соответствует выражению «права писанные», причем они подтверждают уже выданные права церковные (костельные) и светские, разделяя их как частные привилегии предыдущих правителей. В данном случае выражение «права христианские» обозначает наиболее общее значение прав для всех подданных, а понятие «христианские» характеризует сами права, причем в наиболее общем смысле: как бы мы сейчас сказали по аналогии – «гражданские права». Термин «права христианские» следует приписать не конкретному законодательному кодексу, и куда меньше лично Жигимонту Старому, а в целом правовой системе, как структуре долгой длительности. В традиции литовско-русского права словосочетание фиксируется уже в XV в. – в первом земском привилее 1447 г. Казимира Ягайловича. В данном случае нам важно отметить конституционную роль определителя «христианские», как выражающего

самую глубинную природу прав и наиболее граничный смысл дарования прав, как общего законодательного кодекса.

Особенностью правосознания и являлось совмещение того, что в реальности, в судебной практике, разъединялось и расходилось по разные стороны – имущественные отношения и их моральная оценка, как понимание их места в божественном сотворении. Для полноты понимания правосознания второй трети XVI в. следует целостно воспринимать синкретическое единство обеих составляющих, привлекая дополнительные нарративные источники для их изучения, а также более взыскательно работая с привычными и наиболее массовыми судебными нарративами. Как пример приведём уникальную цитату с луцкой гродской книги конца XVI в., в которой писарь зафиксировал устное высказывание стороны, введя его в сухие шаблоны заключительного протокола, в котором жалобщик – волынский шляхтич Луцкого повета Семен Русинович-Берестецкий решил объяснить, для чего он решил внести жалобу в судебные книги: **«для часу пришлого, абыхъ напрод Богу, а потомъ всимъ людемъ учтивымъ былъ правъ»**⁶. В данном случае уместно говорить о разрыве протокольного шаблона, когда эмоциональная окраска события и переживания пострадавшей стороны закрепляется на вербальном уровне, что позволяет увидеть как промелькнул отблеск правосознания в его непосредственном личностном переживании потерпевшей стороны. Важно еще то, что мы имеем дело не с поворотным событием в жизни, таким как, например, составление завещания или присяга, венчание или составление договора, где стороны публично вступают в договорные отношения или посвящают свои действия Всевышнему, а с незначительным, но знаковым правонарушением, которое посягает на шляхетскую честь.

Важно хотя бы методологически помыслить единство правосознания всего привилегированного сословия в его иерархическом объединении с понятием суда Божьего и ответственности перед Божьим промыслом. В светском законодательстве Литовских Статутов понятие суда Божьего не могло разрабатываться по причине имущественной и служебной «специ-

⁶ Центральний державний історичний архів України у м. Києві. Ф. 25, оп. 34, арк. 924зв.–925/ 835зв.–836. Семен Русинович-Берестецкий жаловался на Станислава Капусту (служебника Марка Жоравницкого, арк. 1428об./ 1338об.) о том, что он, встретивши Семена на дороге, стрелял в него с ружья, а потом порывался до сабли, «нешляхетство мне задаваль, меничися быть лепшим для того, же, деи, я маю с ким, а ты ни маешь. Отповеди и пофалки мне и братьи моєи пану Петру и пану Стефану Русиновичомъ на здорове наше чиниль». Данный уникальный факт был найден Натальей Старченко и любезно был подарен автору для настоящей публикации, за что выражаю Натальи Старченко глубокую признательность.

ализации» кодекса, который складывался на основе права собственности – этого сакрального права родового землевладения и выраставшей из него военной службы. Как в правосознании шляхты совмещалось понимание Божьего суда с пониманием наказания по Статутовым нормам сказать можно только умозрительно, поскольку каждая ситуация или правонарушение несли в себе уникальный сплав (вещественных, символических, смысловых, социальных, родовых, личностных) составляющих события, но всегда объятых невидимым присутствием божественного начала, которое могло и не входить в горизонт сознательной рефлексии индивида.

Понятно, что правовая система (через правовые кодексы, правовые обычаи и судебные инстанции) во многом определяла правосознание магнатов (князей, панов) и шляхты (землян) и в не меньшей мере влияла на представителей духовенства. Но правосознание куда более широкое понятие, чем правовая система, и относится к пониманию правовой системы внутри социума (в том виде, как видели её современники) и к осуществлению действий, мотивированных осознанием правовых норм, но мыслящих эти нормы не сами по себе (в соответствии с внутренней логикой правовой системы), а в соответствии с реалиями жизни, точнее – с проявлениями божественного начала или наоборот – с отступлением от них. Эти проявления сами по себе никогда не отождествлялись с нормативной базой правовой системы, выходя за ее рамки, тогда как сама нормативная база сводилась, в конечном счёте, к некоей концепции управления, к определённой иерархии и, значит, к определённой социальной системе – в данном случае, к военной службе монарху, правящему милостью Божией и потому имеющему право производить акты власти, дарить право своим подданным, в том числе регулируя их спорные отношения.

VOLUINĖS ŽEMĖS BAJORŲ TEISINĖ ŠAMONĖ (PAGAL XVI A.
SEPTINTO DEŠIMTMEČIO LUCKO SENIŪNO TEISMO KNYGAS)

Volodymyr Polishchuk

Santrauka

Straipsnyje išaiškinta, kad XVI a. septinto dešimtmečio Lucko pilies seniūno knygos geriausiai reprezentuoja ne magnatų kunigaikščių, bet pavieto bajorų teisinę sąmonę. Teismo knygų kalbai būdinga 1529 m. Lietuvos Statuto ir didžiojo kunigaikščio kanceliarijos dokumentų terminija. Taigi teisinės sąmonės rekonstrukcijai svarbi formuliaro reikšmė ir samprata: įrašų formuliaras atspindėjo teisenos institucinį aspektą ir teisinės sąmonės hierarchiją, o ne bylos šalių asmeninės valios išraišką. Formuliaro panauda kalba apie tai, kaip pareiškėjas galėjo suvokti įvykį teisės kontekste. Būtent šiuo požiūriu straipsnyje analizuojami skundo ir

oficialių liudytojų institutai, taip pat „pranešimo“ šaliai (su reikalavimu atlyginti žalą) teisinė procedūra.

Straipsnyje parodyta, kad privilegijuotų žemvaldžių sąmonėje terminų „skundas“ ir „teismas“ koreliavimo šie teisiniai institutai nenulėmė. Tačiau daroma išvada, kad bajorų teisinė sąmonė vis dėlto plėtojosi teismo ir notarinės praktikos institucionalizavimo link, t. y. buvo kreipiamasi į valdžios institucijas.